

Мартук – пристань души моей

проза

*Рауль
Мир-Хайдаров*

авто-
биографическая
повесть

*Воспоминания –
единственный рай,
откуда нас никто
не вправе изгнать*

Железная дорога

Чем дальше уходят годы мои, тем острее чувствую необходимость рассказать о малой своей Родине. Её невозможно заменить ни на какую другую, даже на самое распрекрасное место на земле – ибо тут, в Мартуке, начался мой земной путь, здесь могилы моих близких, родных, друзей. Хотя с двадцати лет я жил вдали от Мартука, не было года, чтобы я не побывал на родине, а в последние тридцать лет, как я стал вольным писателем, т.е. нигде не служу, я бываю там и по три, и по четыре раза в году. Пройтись по улицам Мартука, заглянуть в запустевший парк, где некогда гремела музыка, посетить оба мартукских кладбища – и мусульманское, и христианское, постоять, побродить по берегам погибающего Илека, вспомнить, как в полуразвалившихся землянках кипела жизнь дорогих для меня людей, вспомнить соседей, друзей, кумиров детства и юности, учителей – нет лучшего бальзама для моего сердца. У мартучан есть много поводов гордиться своей малой Родиной. Из нашего крошечного села вышли пять героев Советского Союза, тут всегда жило много достойных людей. Им, их памяти посвящены с любовью и уважением мои воспоминания.

Моя малая Родина Мартук, районный центр, стоящий при железной дороге Москва–Ташкент. Находится он в 70 км от Актюбинска на восток и в 200 км на запад к Оренбургу, некогда первой столице Казахстана, поистине города восточного в ту пору. Ещё до середины 60-х годов Оренбург наполовину состоял из татар, много там проживало и проживает до сих пор казахов. Не могу не упомянуть для молодого поколения, что в

царской России после Казани Оренбург был вторым культурным центром мусульман. Здесь издавалась ежедневная газета «Время» на татарском языке, которая распространялась по всей России. Тут было несколько крупных театров, широко известных в мусульманском мире духовных центров, медресе, мечетей, самая красивая из них построена на деньги казахских купцов. Издавались десятки журналов, печатались книги. В Оренбурге проживало с дюжину именитых в России казахских и татарских миллионеров, были здесь крупные торговые дома, банки. Всё это сошло на нет после революции, а в 70-х годах прошлого столетия, когда нашли оренбургский газ, сюда хлынули сотни тысяч переселенцев из России, и город навсегда потерял свой восточный, мусульманский колорит. Родом из Оренбурга и мои родители. В годы революций, раскулачивания многие татары бежали в соседний Казахстан. Позже, в 20-х годах, от голода сюда потянулись тысячами, целыми деревнями поволжские татары. Сюда, в степь, их толкало только одно – здесь жил свой по вере народ. В лихие годы это чрезвычайно важный фактор.

В пору моего детства, вплоть до 1957 года, ходили сюда паровозы, которые останавливались каждые 25 км, красавцы-локомотивы должны были чистить топки и заправляться водой. Обязательно надо сказать несколько слов и о самих станциях. Дорога, построенная в начале XX века, замечательна своими архитектурными и инженерными решениями. Особенно прекрасны станции: Актюбинск, Кандагач, Казалинск, Джусалы, Кызыл-Орда, Туркестан, Арысь.

Кроме удивительных по красоте и изяществу пассажирских вокзалов, строились депо, десятки грузовых пакгаузов,

пожарных центров, водонапорных сооружений, пристанционных построек для жизни и быта железнодорожников. Были построены добротнейшие здания из кирпича и камня: поликлиники, больницы, гимназии, здания для дворянских собраний, ставшие позже повсеместно Дворцами железнодорожников. Особняки для технической интеллигенции и служащих и удобные дома, в два-три этажа, для рабочих. Почти все эти здания сохранились и служат людям до сих пор.

Отмечу, как человек знающий, все эти полторы тысячи километров с инфраструктурой, достойной восхищения, были построены двумя строительными батальонами. Жаль, красивейшее здание Актюбинского вокзала было снесено в 70-х годах, и на этом месте построили уродливый трёхэтажный «сарай», в котором и зимой и летом стоит ледяной холод, пробирающий до костей. Железнодорожники и в царские годы, и в долгое время в СССР были элитой рабочего класса, а сама же железная дорога – государством в государстве. Она имела собственные школы, клиники, высшие учебные заведения, связь, торговую сеть, своё снабжение, свои заводы и фабрики, культурные и спортивные сооружения и многое-многое другое. До 60-х годов в СССР существовало только два профессиональных праздника: День железнодорожника и День шахтёра. Всем этим железная дорога обязана одному человеку – Лазарю Моисеевичу Кагановичу, выдающемуся организатору технической мощи СССР. Кстати, опять же на заметку молодым, знаменитое московское метро – тоже его детище, и оно долго носило имя своего основателя.

Железная дорога изменила край. Появились сотни, тысячи посёлков вдоль дороги, включая и мой родной Мартук. Паровозы требовали воды каждые 25 км, и в голых, зачастую безводных местах была проведена огромная работа геологов, найдены источники снабжения водой, рассчитанные на столетия. Построены сотни, тысячи водокачек, протянуты к станциям тысячи километров водопровода, работающие

до сих пор. Наша мартукская станция снабжалась водой из красивейшего озера у аула Кумсай, что находится в 7–8 км от посёлка. Водокачка, как мы её называли, строение в густом лесу у озера в Кумсае, оказалась сложнейшим инженерным сооружением и служила почти век, даже когда отпала нужда поить паровозы. Объект, как говорят нынче, считался стратегического значения и был обнесён вокруг в три ряда, с большим интервалом, высокой колючей проволокой. Вход в зону был строго воспрещён. Водокачку с царских времён обслуживала одна и та же семья Качановых, дети которых учились с нами в одной школе в Мартуке. Как мы им завидовали! И было отчего. Как рассказывал мне мой одноклассник Петя Качанов – какие лини, сазаны, карпы, лещи, краснопёрки, головли попадались им в верши или в сети! Каких пудовых сомов ловили они на закидушки, какие пяти-семикилограммовые щуки попадались им на удочки – не пересказать! Мне приходилось видеть эти уловы. Этой рыбой многодетная семья Качановых рассчитывалась за постой своих детей-школьников у наших соседей Козловых. Помню, мама тоже покупала у них рыбу, кажется, что вкуснее рыбы-линя ничего на свете нет. А какую землянику, малину, ежевику, костянику собирали они в своём заповедном раю! Какой удивительной красоты лилии приносили они учителям в день последнего звонка и первого сентября – роскошь королевская, всю жизнь стоит перед глазами. Всё ломали, разграбили, растащили...

Когда лет в пять-шесть я попал на станцию, она показалась мне волшебным замком, утопавшим в роскошном саду. Вокруг здания были разбиты цветочные клумбы. Тогда же, впервые в жизни, я увидел цветочные часы и живой календарь из цветов – всё это потрясло моё воображение. После убогого, пыльного, вросшего окнами мазанок в землю посёлка станция показалась мне земным раем. С каждого торца здания имелись водонапорные колонки, которыми разрешалось пользоваться

всем жителям Мартука. В дни стирок хозяйки с ведрами на коромыслах тянулись к станции – говорили, что вода с озёр мягкая, шёлковая и экономила дорогое и редкое в ту пору мыло. А на перроне сиял медью отполированный за десятки лет руками дежурных станционный колокол – как приятен был его звон, отправлявший поезда в незнакомые мне города с волнующими названиями: Ташкент, Наманган, Джалал-Абад, Ургенч, Алма-Ата – тысяча и одна ночь, Шахерезада и только!

В мои детские годы главным кормильцем маленьких местечек были базар и станция.

Помнится, год-полтора, не больше, Мартук переживал какой-то ренессанс, забытый НЭП – на станции милиция не гоняла жителей, приходивших к поездам торговать молоком, сметаной, творогом, казахским катыком, шубатом, сливочным маслом, сбитым вручную дома. Выносили к поездам яйца, соленья, грибы. Осенью – арбузы, дыни, летом – малину и ежевику, собранную за Илеком. Более основательные хозяйева торговали жареными и отварными курами и утками, а зимой – тушками гусей, рыбой, приобретённой у тех же Качановых с водокачки. С огурцами, помидорами, капустой, зеленью выходил на вокзал известный огородник Карташов из Кумсая, он там работал главным агрономом. Иные выходили к поездам с жареными семечками из подсолнухов и тыкв. Они же торговали аппетитной толчёной картошкой, политой сверху подсолнечным маслом ручной выжимки с золотисто поджаренным луком. Предлагали они и домашний квас. Иногда они же торговали пирожками с картошкой, капустой, щавелём. В торговле пирожками с мясом, бэлишами доминировали мои родственники Валиевы и Мамлеевы. Местные мастерицы выносили к поездам горячую выпечку – поезда в ту пору ходили минута в минуту, по ним сверяли часы. А какие у них были ватрушки с белым и красным творогом, пироги с повидлом и джемом! Повидло и джемы тогда всегда имелись

в сельпо в больших, почти ведёрных, банках из нержавеющей стали. Банки из-под них потом служили в хозяйстве ведрами.

Не меньшим успехом у пассажиров пользовались свежевыпеченные домашние караваи, с которыми приходили к поездам хохлушки, в расшитых крестиком нарядных блузках, хлеб у них всегда был покрыт чистыми рушниками. Один бывалый казах в гимнастёрке с орденскими колодками даже наладился жарить шашлык к приходу поездов, и у него всегда выстраивалась очередь. Иногда рядом с ним пристраивался солидный аксакал в чистом камзоле, вельветовом или бархатном, он приносил большой бурдюк, или даже два, кумыса и пять-шесть деревянных чаш-тустаганов, из которых, как он уверял, кумыс всегда вкуснее. Вот эта пара всегда продавала свой товар до последней палочки, до последней пиалы, но они на станцию ходили редко, видимо, и с мясом, и с кумысом были проблемы.

Немки в белых фартучках приходили к поездам с копчёным салом и окороком, домашней колбасой, ливерной и мясной. Немцы умудрялись коптить свинину дома и этому быстро научили русских и украинцев, тоже державших свиней. До немцев, как говорили старики, в Мартуке никогда не коптили свинину, не делали колбас. Немцы вообще оказали огромное влияние на быт и культуру Мартука. Это с их почина появились водонапорные колонки в каждом дворе, стеклянные террасы и веранды, паровое отопление, цветы возле дома и палисадники. Жаль, они поголовно уехали в Германию, о них всегда вспоминают тепло, жалеют, что их нет, когда надо починить машину, сделать паровое отопление, покрыть крышу, построить баню.

Чечены, сосланные в Мартук, тоже изредка, в августе, появлялись на перроне. Приходили женщины в длинных платьях, непременно в платках, они торговали только молодой варёной кукурузой. До чеченов в наших краях кукурузу не выращивали. У них она была особая, элитная, двухметровая. Выс-

шенные стебли кукурузы использовали на строительстве или топили ими зимой печи. Молодую кукурузу чечены варили, а из сухих початков делали муку для кукурузного хлеба и мамалыги.

Ходили на вокзал не только со съестным, каждый нёс, что мог продать. Не всегда всё продавалось за деньги, шёл товарообмен, нынче называемый бартером. В ту пору на поездах в Среднюю Азию и на юг Казахстана на постоянное житьё тянулась беднота со всей России. Хотя в спальнях вагонов из красного дерева, оставшихся со времён царской империи, ехали люди с достатком. Мы любили скорый поезд из Москвы. Мы, мальцы, с удивлением разглядывали пассажиров этих вагонов в полосатых шёлковых пижамах, дам в роскошных халатах или с накинутыми на плечах пальто с чернобурками. Запомнилось, что эти пассажиры никогда не торговались, или мартукские цены им казались дешёвыми, или они быстро понимали, как бедствует народ на этих забытых богом полустанках. Скорее всего, и то и другое, богатые того времени ещё не считали свой народ быдлом, не презирали его, воспитание и совесть не позволяли.

Моя мама круглый год ходила к поездам с оренбургскими платками, вязаными из шерсти и пуха перчатками, носками, шарфами. Военные, которых было много среди пассажиров, охотно покупали именно белые пуховые перчатки и длинные шарфы. В Мартуке у небольшой кожевенной артели жил человек по фамилии Трушкин, владевший редкой для села профессией, он был виртуоз-керамист. Лепил из глины кувшины, миски, жбаны, тарелки, большие бадьи. Делал забавные детские игрушки, свистульки. Мы, ребятя, часто ходили к его дому и заворожённо смотрели на гончарный круг и ловкие руки мастера. Он тоже иногда ходил к поездам со своим товаром. Покупали те, кто выскочил из вагона без посуды, купленную миску тут же до краёв заполняли толчёной картошкой или простоквашей.

В ту пору вагонов-ресторанов в со-

ставах не было, и в дорогу брали с собой пяти-шестилитровые медные чайники. Тогда их выпускали тысячами, и они были обязательным атрибутом каждой семьи, а на станциях везде были кубовые, где бесплатно разливали в несколько кранов кипяченую воду. В кубовой на нашей станции, сколько помню, работал мужик по фамилии Корнеев, он никогда не давал местным кипятку, даже своим, станционным. Видимо, такая жёсткая инструкция была, ведь топили в кубовой углём, а его на всех не напасёшься. Поезда стояли не меньше получаса, и на перроне во всю шёл торг: кто покупал, кто обменивался.

Но пассажиры не раз обманывали местных, людей доверчивых, запуганных. Помню, мама купила два куска мыла. Мыло оказалось брусками кирпича, только на сантиметр облепленными настоящим мылом. Однажды соседи Сафаргалиевы готовились к свадьбе и купили для приготовления домашней бражки мешочек сахара на 10–12 килограммов. В посёлке сахар давали только по паевым книжкам, да и то в ограниченном количестве. Как радовались наши соседи, что так выгодно выменяли своих потрошёных гусей на сахар у солидного пассажира! Но продавец оказался ловким аферистом. В мешочке с сахаром внутри находился ещё один мешочек с речным песком, сахара набралось чуть больше килограмма. Как они горевали – не высказать! Как бы ни осторожничали мои бедные земляки, их всё равно обманывали. Помню, только однажды, прямо на вокзале, какая-то афера была раскрыта, и тут уж били негодяя долго и больно, и даже вокзальный милиционер Великданов, издали наблюдавший за самосудом, вмешиваться не стал.

Базар

Было в Мартуке ещё одно место выживания для моих земляков – базар, в том числе и для моей семьи, ждавшей воскресенья как праздника, по-

скольку только там можно было заработать копейку, продать мамины вязаные вещи или выменять их на продукты, в конце концов занять денег у кого-то более удачливого в базарный день. Базар располагался рядом с церковью, построенной первыми столыпинскими переселенцами в 1907 году. Нынче там уже почти 50 лет находится стадион, отстроенный запомнившимся добрыми делами секретарём райкома Салином-ага Шинтасовым, он прожил почти 90 лет и умер уже в новом веке.

В ту пору в Мартуке имелось два постоянных двора, куда съезжались люди из русских посёлков: Казанки, Нагорного, Веренки, Белой Хатки, Полтавки, Красного Яра и из казахских аулов: Кумсая, Жанатана, Аксы, Жамансу, Танабергана. Мусульмане облюбовали дом хромого Максума на Советской, а православные – ближе к церкви, на постоялом дворе у Шалаевых.

С субботнего дня до понедельника жизнь там была ключом – ставились ведёрные самовары, топились печи во дворе и дома, в которых варилась и жарилась всякая еда. Пока готовили обед, мужчины и бабы спешили в сельскую баню, а уж потом ходили по гостям к родным и знакомым или направлялись к детям-школьникам, стоящим на постое по всему Мартуку, а к вечеру накрывали общие столы у себя на подворьях.

Мы, ребятыня, тоже с интересом ждали базарных дней. Кололи на подворьях горы щепы, растапливали ею огромные медные самовары и смотрели за ними, бегали в магазин за водкой, вообще были там на подхвате. Особо шустрым всегда доставалась копейка на кино, бесплатный обед. Кусок хлеба нашего детства имел высокую цену. Мне, знавшему постоянный двор хромого Максума-абый, приходившегося нам дальней родней, не хуже своего двора, запомнились эти весёлые суетливые вечера с песнями, плясками, а порою и драками.

До сих пор стоит перед глазами конюязь. Этакая, по-современному говоря, стоянка для скакунов. Каких я толь-

ко там не повидал красавцев-аргамаров! Иногда после базара, особенно если это совпадало с праздниками, или с Курбан-Байрамом, устраивались байги – скачки. Мы, мальчишки, конечно, знали всех известных наездников из всех аулов, особенно нам нравился злой, уже далеко не молодой всадник Кенес-агай из Кумсая, он часто выигрывал байгу. Призом всегда служил баран или бычок, которого общество покупало в складчину. Торговали лошадами и на базаре. Конь в жизни казаха, в жизни всех тюркских народов всегда имел какой-то сакральный смысл, играл важную роль.

Но вернёмся к нашему базару. Если на станции продавали съестное с пылу-жару, тут такого не было, обедали после торгов приезжие или в чайной, или у себя на постоянных дворах. Торговали тут картошкой, тыквой и живностью: курами, гусями, поросятами, баранами, тёлками. Живность имела на базаре свой угол. Много торговали зерном, мукой, просом, особо почитаемым казахами злаком. Я думаю, казахи обязаны своим здоровьем именно мясу и жареному просу, и измельчённому из него лакомству – талкану. В пору своей юности я как-то заметил, что среди казахов вообще нет лысых, людей в очках, а зубы у них всегда блестели, как ныне на рекламе зубной пасты «Колгейт». Нынче и казахи не выдержали – полысели, носят очки, и с зубов исчезла белизна.

На базар в Мартук приезжали художники в шляпах и беретах и предлагали написанные на загрунтованной клеёнке картины: томных красавиц у балконного окна, сказочные замки у живописного озера с непременно грустящей принцессой в ажурной беседке, лебедей в пруду парами и в одиночку, резвящихся на фоне тех же дворцов. И что странно, в голодном, холодном Мартуке у развалов художников всегда толпился народ, но больше – женщин. В ту пору девять из десяти из них были вдовами. Подолгу, зачарованно вглядывались они в лица томных красавиц, в

другую, непонятную, но притягательную и никак не достигаемую ими жизнь. И ведь покупали эти картины на последние гроши! Но чаще меняли на шматок сала, ведро картошки, несколько килограммов муки или банку подсолнечного масла. У меня нет слов, чтобы описать степень бедности военного и послевоенного села. Но я попытаюсь показать её на примере базара и жизни, быта своих земляков-мартучан. Позже, уже став писателем, я как-то отметил в своём дневнике – бедность не имеет дна, предела. На базаре некто, заезжий продавец, предлагал рис... в рюмках, да-да, в водочных рюмках, граммов на 30–40. Приобрести целый стакан стоило больших денег, на такое не замахивались.

Хочу добавить из личного.

Однажды моих родителей пригласили на свадьбу, а в доме не было не только ни гроша, но даже щепотки чая или кусочка сахара. Не нашлось в доме и ни одной новой вещи, что могла послужить подарком молодожёнам, таким же беднякам. Тогда родители отобрали из праздничных тарелок, которые ставили только гостям, две, без единой щербинки и царапины, с тем и пошли на свадьбу.

Станция

Зимы в ту пору случались снежными, вьюжными, а морозы стояли всегда за двадцать, хотя и тридцать не было редкостью. Пурга иногда мела неделями, и тогда беда стучалась в каждый дом не только в Мартуке, но и в посёлках, аулах. Дороги заметало до макушек телеграфных столбов, а это – два-три метра, сегодня подобное и представить себе трудно. О базаре не могло быть и речи. Ничего ни продать, ни поменять. В эти дни самые отчаянные, как моя мама, несмотря на появившиеся жесточайшие запреты торговли на станции и на данные ею подписки не появляться там, бежала к поездам, пы-

талась продать хоть пару варёжек и щегольской шарфик военным, а с платками она рисковала редко. Слишком неподъёмной была бы потеря. Ведь в платке была доля и хозяев пуха из аула.

Милицейеры на станции всегда были начеку, отбирали товар и пинками тяжёлых сапог гнали несчастных женщин с вокзала, наиболее строптивых даже запирали в какую-нибудь холдную комнату при станции и составляли протокол, который ещё и штрафом заканчивался. Грозили в следующий раз отдать под суд или выселить из посёлка, хотя сложно представить себе более горестное место, чем послевоенный Мартук. Как лютовала власть и милиция на станции, когда торговлю там объявили спекуляцией! Люди в форме опрокидывали ведра с яйцами, переворачивали тазы с продуктами, выливали на землю молоко, сметану, бросали в грязь всё съестное, чему радовалась лишь шпана. Кто пытался защитить своё добро, были биты жестоко. Запомнилось одно – они обижали всех, но никогда не трогали чеченов. В их печальных глазах, даже у женщин, у детей, не говоря уже о мужчинах, они видели моментальный отпор, непредсказуемый, вплоть до смертельного. Чечены – единственный знакомый мне народ, при всём уважении ко всем остальным, который выше жизни ценит честь, достоинство и не терпит унижения, оскорбления.

В Мартуке останавливались все проходящие мимо поезда. И пассажирские, и грузовые, и все паровозы чистили здесь свои топки. Наверное, нетрудно представить себе, какие звересты, монбланы шлака выросли по обе стороны станции. Ведь поезда начали ходить регулярно с 1905 года, а мы с вами ведём разговор о 50-х годах. Горы шлака. Круглые сутки после поездов женщины сгребали шлак из междупутья на носилки и таскали его на эти горы. Когда кочегары чистили топки, то возле паровозов уже крутились мальчишки, старики, женщины с ведрами и кочергами, высматривая непрогоревшие куски угля,

выпавшие из чрева паровоза. Как только последний вагон проходил над кучей, все бросались в колею выхватить эти желанные горящие куски угля. Конечно, такие куски выпадали нечасто, и это считалось большой удачей. В основном собирали шлак, не прогоревший до конца уголь, он тоже годился в печь, но его нужно было гораздо больше.

Лет с десяти начал ходить на станцию за шлаком и я, хотя мама долго противилась этому, понимая, что станция – опасное место, не только из-за шпаны, тянувшейся на юг, но и из-за станционных ребят, считавших вокзал своей вотчиной и при каждом случае обижавших малолетних ребят из посёлка. Но жизнь заставляла идти на риск. Сегодня трудно себе представить, что внутри землянок от холода в углах комнатов от потолка до пола висели ледяные stalactites, так промерзло за зиму наше жильё. Оттого мы на всю жизнь запомнили слова: голод-холод.

В 1960 году, когда жизнь в наших краях в связи с освоением целины, можно сказать, наладилась, дежурный по станции Кужелёв первым в Мартуке отлил из шлака пристанционных эверестов шлакоблочный дом – это была революция в строительстве посёлка. За два года от паровозного шлака не осталось ни грамма, всё смёл строительный бум, и теперь только старожилы вроде меня помнят о былых огромных огнедышащих горах на станции. Но, чтобы навсегда уйти со станции в Мартуке, мне придётся рассказать один случай, который и спустя 57 лет время от времени мне снится.

Только-только отпраздновали новый 1952 год, и у нас начались школьные каникулы. Стоял погожий зимний день, и я решил сбегать на станцию за углём, потому что в дни каникул давали дневной сеанс, и в тот день шёл цветной фильм «Большой вальс». По дороге мне повстречался одноклассник Диас Искандеров, чей отец погиб под Москвой, как и мой. Диас редко бывал на станции, видимо, дома не разрешали, или он побаивался станционных ребят.

Но в последние месяцы он часто видел, с какой добычей я возвращался домой, так что уговаривать его долго не пришлось. Главным аргументом послужило предложение продать пару ведёр добытого михайловского угля хромому Максуму с постоянного двора, тот всегда покупал особый, тлеющий без дыма уголь для своих трёхведёрных самоваров.

Когда мы пришли на станцию, на первом пути в сторону Актюбинска стоял грузовой состав. Видимо, он прибыл уже давно, потому что машинист паровоза и его помощник стояли у тендера без привычных инструментов в руках – большой маслénки и молотка на длинной ручке. Значит, они закончили осмотр, обстучали все важные элементы локомотива и смазали ходовые части, буксы. Машинист как раз обратился к кочегару: «Сергей, стоять нам ещё долго, мы пойдём на вокзал пообедаем, а ты тут за главного». Видимо, по рации они получили сообщение, что навстречу идёт литерный поезд с особо важным грузом, и ему освобождали перегон, давали зелёную улицу на нашей станции.

Мы, мальцы, не хуже железнодорожников ориентировались в правилах движения. Кочегар, в поте лица очищавший топливные люки, забитые шлаком, что-то буркнул в ответ им в спину. Мы быстро оценили ситуацию, такой случай, когда у паровоза остаётся один кочегар, бывает раз в год и считается удачей.

Дело в том, что и машинист, и его помощник – белая кость на паровозе, они всегда гоняли ребят от локомотива подальше, могли и подзатыльник дать, и пинка под зад особо настырным. А кочегар, которому за короткую остановку нужно было вычистить топку с обеих сторон, заправить тендер водой да ещё накидать угля из открытого всем ветрам огромного тендера поближе к кабине, чтобы на ходу забрасывать его в топку, едва не валился с ног от усталости. Адская работа – то на ветру, на морозе, на открытом тендере, то у жар-

кой печи метать пудовой лопатой уголь в ненасытную печь, то шуровать забитые шлаком топки. В ту пору слово «кочегар», «работать, как кочегар» имело смысл особо тяжёлой, рабской работы, губительной для здоровья. В кочегары шли молодые люди из деревни, из-за безработицы, безысходности, из-за возможности обрести постоянный заработок, уголь в общежитии или комнату в коммуналке – власть знала, чем приманивать бедноту. Эти деревенские ребята понимали пацанов, крутившихся возле паровоза. Не раз бывало, особенно зимой, кочегар перед самым отправлением, видя занятость своих коллег, сбрасывал ребятам с тендера два-три куска угля в сугроб.

Как только машинист с помощником отошли подальше, я тут же нырнул под состав и поднялся на паровоз с другой стороны, чтобы не видел работавший кочегар. Я хотел узнать, успел ли он заправить паровоз водой, и есть ли в тендере кусковой уголь, желательно михайловский – для самоваров. К моей радости, паровоз водой ещё не заправили, и весь тендер был полон нужного нам угля. Обрадованный, я спустился к Диасу, и мы вдвоём подошли к кочегару, поздоровавшись, я спросил: «Можно мы заправим паровоз водой?». Кочегар вытер пот со лба, внимательно осмотрел нас – а вы сможете? «Обижаетесь, Серёга, – ответил я лихо, – нам все доверяют, ни разу не перелили, мы ведь вдвоём. Я наверху, а товарищ внизу. Буду глядеть в оба», – добавил я для основательности. И впрямь не зазевайся, перекрой воду вовремя, а то зальёт паровоз водой, и через пять минут на морозе он будет весь ледяной, и отбивать лёд придётся только кочегару.

– Ну, если вдвоём, то добро, заправляйте, – ответил повеселевший кочегар.

Конечно, наверх полез я, Диас ещё никогда не бывал на паровозе, побаивался. Прежде чем забраться наверх, мы навели длинный хобот высокой колонки над люком тендера, а наверху я

его ещё поправил по центру, и только потом дал отмашку Диасу, чтобы отвинтил колесо крана, и вода, обдав меня запахом озера, тины, рыбы, полилась в чрево паровоза. Вода виднелась на самом доньшке, и я знал, что нужно 15–20 минут, чтобы заполнить тендер доверху. Визуально было хорошо видно, как вода поднимается.

Вода водой, а задача была – добыть уголь, а он, желанный, сажево-чёрный, бархатистый лежал рядом, только протяни руку. Сверху я видел, что кочегар всё ещё скребёт топку справа по ходу состава, поэтому стал сбрасывать большие куски угля в снег между путями на другую сторону. Время от времени я поглядывал вниз и на Диаса, и на кочегара Серёгу и продолжал сбрасывать и сбрасывать. Такая удача мне не выпадала никогда, мы могли теперь продать и десять вёдер угля, и домой отнести. Радость прибавляла мне силы, я даже что-то насвистывал и безголосо напевал. Вода тем временем наполняла тендер.

Когда кочегар перешёл чистить топку слева, я стал сбрасывать уголь Диасу прямо под ноги, жестами объясняя, чтобы он присыпал его снегом. Вот-вот должны были вернуться машинист с помощником. Минут за двадцать я набросал по обе стороны колеи довольно-таки много угля. А тут и вода подошла под горлышко, и мы успели перекрыть кран вовремя, о чём тут же доложили Серёге. Кочегар поблагодарил нас и сам забрался на паровоз, проверил и сбросил огромный валун угля вёдер на десять, я бы его и с места не сдвинул. От такого куска на паровозе одна морока, замучаешься его кувалдой в тендере дробить, а для нас – несказанное богатство.

Мы с Диасом, счастливые донельзя, улыбающиеся от неслыханной удачи, перешли под составом на междупутье и стали присыпать снегом тот уголь, что я сбросил в самом начале. Машинист, заняв место слева, сразу мог его увидеть, а значит, не поздоровилось бы нашему доброму Серёге. Пока мы при-

сыпали уголь на междупутье снегом, вернулся машинист, я увидел его в привычном окошке.

Локомотив начал разводить пары, и нас, стоявших возле первого вагона, обдавало словно облаком, но мы его не замечали. Наши фантазии унесли нас со станции, мысленно мы покупали цветные карандаши, рыболовные крючки и настоящую капроновую леску. Диас замахнулся даже на перочинный ножик – денег от хромого Максума должно было хватить на всё. Богатая добыча лежала у наших ног слева и справа и даже за спиной. Но тут, непонятно откуда, появилась ватага станционных ребят, не меньше десятка. Они были на год-два постарше нас с Диасом, а главному, двоичнику из 6-го «Б» по кличке Фаддей, исполнилось уже 14. Конечно, они знали нас, а мы их, кроме двух дошколят, одетых в рваньё не по росту. Наверное, кто-то из них увидел из окна на втором этаже, как я долго сбрасывал с паровоза уголь. Ощущая пятикратное преимущество, они шумно накинулись на нас, особенно усердствовал Фаддей, подражая блатным, он сыпал жаргонными словечками, смачно ругался, в общем, запугивал страшно. Суть претензий была предельно проста, особенно в устах косноязычного Фаддея: станция наша, а значит, и уголь наш, убирайтесь, пока санки не отняли и не надавали как следует. Настроены они были агрессивно, даже поделиться не предложили, как часто бывало в подобных ситуациях. Наш случай был не первый на станции, только сегодня Фаддей впервые вывел новую юную поросль из краснокирпичного дома на охоту за чужаками и явно желал утвердиться в лидерах.

Хотя их было больше, у нас имелось преимущество, у каждого в руках была железная кочерга, которую мы держали наготове. Когда Фаддей уж очень стал наседать на меня, я толкнул его кочергой в грудь, и он, не ожидавший отпора, упал на путь. Я сказал как можно твёрже и туманнее: «Фаддей, наш уголь или ваш, ты не нам доказы-

вай, понял?». «Кому же?», – опешили разом станционные. «Вот сейчас вернутся Султан с Хамидом, они за братами старшими пошли и за большими санками, им, чеченам, и скажете, что вы хозяева угля и станции, а теперь валите отсюда, пока целы».

В этот момент кто-то из колеи наклонился над большим куском угля, и тут произошло неожиданное. Тишайший Диас, побаивавшийся станционных, поддал тому такого пинка, что тот полетел к ногам Фаддея. Тут нападавшие дрогнули, не имея чеченской поддержки, мы, татарчата, вряд ли могли вести себя столь нагло на их территории.

Но уйти просто так Фаддею гордость не позволяла, боялся уронить авторитет среди мелюзги. Фаддей лихорадочно думал, как он объяснит станционным корешам из красного дома, что не сумел отнять богатую добычу у двух малолеток из посёлка. Так мы и стояли напротив друг друга – я с Диасом на междупутье, станционные в колее главного пути. Наш паровоз всё больше и больше выпускал пар, и мы все, время от времени, тонули в этом густом облаке, но никто не обращал на это внимание. Весь интерес с обеих сторон сошёлся на угле. Конечно, добудь мы малость угля, ведёрка два, мы бы не сопротивлялись, и они, наверное, так бы не злобствовались. Но такую добычу никто не хотел уступать, ни мы, ни они.

А в это время литерный поезд, на высокой скорости шедший на проход через Мартук, миновал входной семафор и, видя скопление на путях, отчаянно гудел во всю мощь своих труб. Но никто из 13 ребят ничего вокруг не видел и не слышал, у всех в глазах – только уголь.

Скорый налетел с размаху – четырех насмерть сразу, нескольких выбросило из колеи без единой царапины, Фаддею отрезало обе ноги, а один мальчик по фамилии Касперов остался цел, ухватившись за решётку паровоза, которая сбрасывает с путей небольшие предметы. Диаса поезд не задел, меня зацепило какой-то выступающей частью

паровоза, и, хотя я был в шапке, чуть выше виска у меня вырвало кусок кожи с волосами размером с маленькую монетку, и ещё – я долго хромал на левую ногу. Наверное, сильно ударился о стоящий состав, когда меня отбросило от летящего паровоза. Когда я очнулся, Диаса рядом не было, со станции и из краснокирпичного дома с плачем бежали женщины. Я потихоньку переполз под составом, нашёл свои санки и ведро и, обливаясь слезами, хромя поплёлся домой. Кому досталась большая добыча остаётся только гадать. Меня хотели исключить из пионеров как расхитителя социалистического добра, и даже из школы. Но нашлись во власти здоровые люди и ретивых учителей одёрнули. На станцию я, конечно, дорогу забыл.

В год моего 65-летия я случайно узнал, что тот мальчик Касперов, чудом оставшийся жив, стал профессором, академиком, ректором авиационного института в Новосибирске. Поистине, судьбы людские и пути Господни неисповедимы.

Ссылные

В начале 80-х годов, когда у меня уже выходили книги в Москве, одна из них попала на рецензию к писателю Штильмарку, человеку трагической судьбы. Он отсидел в сталинских лагерях 25 лет от звонка до звонка и позже был сослан на поселение в Казахстан. В одном из моих рассказов этой книги упоминался Мартук и соседний Ак-Булак. В Ак-Булаке, как оказалось, мой рецензент отбывал ссылку. Он был рад, что его ссылное место для меня стало предметом литературы. В 1999 году в журнале «Казан утлары» («Огни Казани») на татарском языке вышел мой ретро-роман «Ранняя печаль», и я вдруг получил полное благодарности письмо от одной очень старой читательницы. Оказывается, её отец, духовное лицо, в 30-х годах был сослан... в Мартук. Они писали отцу в Мартук годами, раз в год

снаряжали туда посылку, а раз в два года, по специальному разрешению, навещали его. Сегодня я понимаю, отчего у нас в захолустье кроме милиции находилось и отделение НКВД, прародителя КГБ, причём в заметно расширенном составе. Кстати, они вместе с милицией тоже жестоко разгоняли базар на станции.

Я упомянул о ссылных в Мартуке, о которых ни тогда, ни теперь, запоздало, не говорили и не говорят, видимо, не такие уж сверхважные персоны высылались к нам. Разумеется, и они, ссылные, о себе мало говорили, чтобы не осложнять и без того тягостную жизнь. Но даже тогда, в детстве, я понимал, а точнее, чувствовал, что люди крепко отличаются друг от друга. Теперь-то я знаю, что тому много причин: происхождение, образование, культура, интеллект, в ту пору я и слов таких не только не понимал, но и не слышал. Но, что такие люди есть, хорошо усвоил, потому и помню до сих пор и оцениваю их значение для Мартука задним числом через столько лет.

В шесть лет я случайно выпил яд – каустическую соду, её отчим использовал для выделки шкур. Но, на моё счастье, в другой комнате нашей землянки находился киевский врач Драпей, сосланный за что-то в нашу тьму-таракань. Он любил заходить к нам на чай, и мама всегда держала специально для него небольшую заначку заварки. С чаем и с сахаром в доме бывали частые перебои. На мой крик врач выскочил раньше матери и, в мгновение оценив ситуацию, заставил меня выпить молоко, стоявшее рядом на столе. Опоздай он на минуту-две, и я не писал бы воспоминания о нём. Сейчас, когда я вижу на экране человека в пенсне, с кожаным чемоданчиком в руках и со стетоскопом на груди, я сразу вспоминаю врача Драпея, он спас в Мартуке не одного меня. О нём долгие годы ходили у нас легенды, но новое поколение мартучан узнает о нём только из этих скупых строк.

В школе у нас преподавал матема-

тику учитель Николай Иванович Мишин, седой, полноватый, с пышными усами и бакенбардами мужчина, он, как и доктор Драпей, сразу выпадал из общей массы жителей Мартука. Всегда аккуратно одетый, учтивый, он и к нам, детям-озорникам, относился тепло и обращался – «любезный, подойдите ко мне, пожалуйста». Жена его тоже была учительницей, а сестра его, Екатерина Ивановна, заведовала детской библиотекой. Только одна эта семья сделала так много для Мартука, что не высказать. С тех послевоенных лет до горбачёвских реформ мартукская школа считалась одной из лучших в области, и поступали в вузы до 90% её выпускников. Я не увлекался математикой, да и школу оставил после семилетки. Но хорошо помню перемены в библиотеке, как нас встречала сестра Мишина, Екатерина Ивановна, как долго любезно беседовала она с каждым заморышем, она обогревала нас словом, вниманием, вселяла в нас надежду, отсыкивая в нас хоть какие-то крупицы таланта.

Для многих из нас Мишины стали лоцманами в жизни, а от Драпея потянулась дорога в Актюбинский мединститут. Екатерина Ивановна сама прекрасно рисовала и создала в библиотеке, в двух тесных комнатках, изокружок. Скоро рисунками учеников оказались увешаны все стены и коридоры библиотеки, позже им нашлось место и на стенах школы. Рисовали акварелью, цветными карандашами, углём, но мне запомнились тончайшие, ювелирные рисунки птиц и животных, сделанные пером и цветной тушью на ватмане мальчиком с соседней улицы – Вальтером Диком. Много позже он сумел через Прибалтику эмигрировать в Германию и там стал известным художником-анималистом.

Об этом я узнал от своего закадычного друга детства Сигизмунда Вуккерта, чья семья тоже уехала на Запад. В январе 2007 года я приехал из Парижа в Мюнхен с супругой Ириной посмотреть известнейший в Европе музей со-

временного искусства, а ещё больше для того, чтобы побродить по улицам моего горячо любимого поэта Фёдора Ивановича Тютчева, которого боготворил в юности. В Мюнхене Тютчев прожил больше 20 лет, там у него были две яркие, любовные истории, которые подарили нам тончайшую лирику. Немцы поставили Тютчеву прекрасный памятник. В день отъезда из Мюнхена я наткнулся на афишу выставки художника Вальтера Дика, на которой был портрет вальяжного господина, и без труда узнал в нём босоногого Вальтера. Конечно, вспомнил нашу библиотеку, Екатерину Ивановну, без которой, наверное, не было бы Вальтера Дика. Очень жаль, что не встретились с Вальтером, нам было бы о чём поговорить. Тешу себя надеждой, что я ещё загляну в Мюнхен к земляку и подарю ему каталог собственной коллекции живописи, в которой, к сожалению, нет картин Вальтера Дика, и ещё подарил бы свой роман «Ранняя печаль», где есть большая глава, посвящённая мартукским немцам.

Что касается Мишиных, я не раз слышал в их адрес одно – политическое. Что это могло означать тогда, я не могу представить себе даже сейчас, даже с высоты своего возраста и опыта, житейского и писательского. С этой семьёй не увязывалась никакая крамольная мысль – ни политическая, ни уголовная, ни связанная с моралью. Вся их жизнь, протекавшая под надзором НКВД, прошла перед глазами всего Мартука – и людей более праведных, добрых, отзывчивых, бесребренников, живших только заботами юных граждан нищего посёлка, я больше никогда не встречал. Долго, до самой их смерти в Мартуке, интересовался их судьбой, я знаю, где их могилы на огромном русском кладбище, мне не надо их долго искать. Там покоится много моих друзей. Первым ушёл почти пятьдесят лет назад юный Толя Чипигин, за ним Володя Колосов, Юра Урясов, Славик Афанасьев, Леня Грицай, Боря Палий, Саша Варюта... Я называю только

очень близких мне людей, а сколько там соседей, знакомых. Пусть всем вам мартукская земля будет пухом, я часто вспоминаю вас. Но мне везло в жизни на учителей, и я ещё раз встретил таких же доброжелательных людей. Теперь это были мои преподаватели в железнодорожном техникуме в Актюбинске. Почти весь преподавательский состав техникума того времени состоял из профессоров, доцентов, кандидатов наук, учёных из Ленинграда. Конечно, они были сосланными и не делали из этого тайны, к тому же уже прошёл 20-й съезд партии. Они дали нам не только знания, но и привили культуру. Низкий поклон вам, учителя мои: Фома Иванович Грачёв, профессор Семён Абрамович Глузман, профессор Волков, профессор Башкирцев, Михаил Матвеевич Панов, Борис Николаевич Гушин. Я никогда вас не забывал.

На учителей везло не только мне, но и всему Мартуку. Учительница немецкого языка Алиса Арнольдовна, одна воспитывавшая сына Марка, создала в школе театр кукол. Я не оговорился – не кружок, а настоящий театр, с полноценными спектаклями по известным сказкам, чаще всего немецким. Наверное, этот навык был у неё в прошлой жизни, столь отточены, выверены были сцены, реплики, столь продуманы декорации, выставлено освещение, изготовлены сами куклы. Такое с налёту, от одного только желания что-то создать, не получается, сужу об этом теперь как театрал со стажем. К себе в студию она набирала только тех, кто хорошо учился. Как резко подскочила успеваемость в нашей школе! Кукольное дело требовало внимания, аккуратности, терпения, сноровки, ловкости и, конечно, артистизма. Оказывается, рядом с нами, в каждом классе, начиная с первого и по десятый, учились такие талантливые мальчики и девочки. Театр давал спектакли не только в школе, но и в кинозале Дома культуры, их привлекали с постановками даже в дни выборов – а к этому тогда относились серьёзно, вмиг можно было лишиться работы и парт-

билета. Народ валом валил на спектакли, а родители гордились своими детьми-артистами. Когда рассказываю об этом сегодняшним мартукским школьникам, не верят, что подобное могло быть у них в посёлке 50 лет назад. Было, было, только и люди, и дети были другими.

С чеченами часто случались какие-то шумные и скандальные истории – этих не могли запугать ни работники спецкомендатуры, ни люди из НКВД. Они не позволяли унижать собственное достоинство, и ни один чин при нагане не рисковал принимать чечена в кабинете один на один, хотя тех на входе обыскивали самым тщательным образом. Говорят, в ту пору со стола начальства исчезли все тяжёлые предметы: бюсты генералиссимуса из бронзы или мрамора, а также и бюсты железного Феликса, тяжёлые письменные приборы каслинского литья из чугуна, особо модные в те годы, и даже графины с водой. Другое дело немцы – тихий, законопослушный народ, они не доставляли особых хлопот спецкомендатуре.

Но однажды произошло ЧП, перед которым померкли все лихие выходки горцев. Говорят, историей немецкого парня по имени Рубин занимались в Москве высшие чины НКВД и военной разведки. Рубин в ту пору учился не то в восьмом, не то в девятом классе и жил на другом краю села, поэтому мне не приходилось сталкиваться с ним, знал только, что тот жил с матерью, и мать его работала в школе истопницей и уборщицей.

Немцы в те годы не имели права без разрешения комендатуры покидать место жительства, не имели они и документов, что также лишало их возможности передвижения. Тем удивительнее оказался слух, что пропавший два месяца назад немецкий мальчик – школьник по имени Рубин, задержан на западной границе при попытке её перейти. Его вернули домой, к матери, что с него взять – несовершеннолетний мальчуган.

На все вопросы учителей на педсовете он упрямо твердил, что хотел вер-

нуться на свою Родину, хотя те его дружно уверяли, что его Родина – СССР: здесь он родился, здесь родились его родители и даже прадеды, что только тут ему гарантированы великой сталинской конституцией право на труд, свободу, бесплатное образование, здравоохранение, жильё и прочие блага. Но, видимо, он уже тогда многое понимал...

Я, как и другие одноклассники, бежал в соседний коридор, где учились старшеклассники, глянуть на парня, без документов, без денег одолевшего всю страну и задержанного настоящими пограничниками. Оказывается, обыкновенный худенький мальчик-подросток, с грустными глазами, отличник, прекрасно знавший математику и на контрольных решавший все четыре варианта задач. Были у него и приятели, с которыми он дружил и которых уже кое-куда вызывали, но никто из них даже предположить не мог, что Рубин затеет такое – отправится к дяде и родственникам во Франкфурт-на-Майне, откуда раз или два приходили письма и перепотрошённая посылка с вещами.

Закончив школу, Рубин снова бежал, но на этот раз его застрелили при переходе границы, и мать ездила на похороны, а чуть позже и вовсе переехала в те края присматривать за могилкой единственного сына, больше у неё никого не было – муж погиб в Челябинске в трудовых лагерях.

В школе провели собрание, где гневно осудили поступок бывшего ученика, – видимо, откуда-то поступило такое указание. Но между собой ребята говорили другое: жаль Рубина, он же школьник, а не шпион, и какие тайны он мог вывезти из Мартука – о нищем колхозе «Третий интернационал», что ли? И пусть бы он жил там, где хотел, мы ведь граждане самой свободной страны...

Так просто и ясно – задолго до Хельсинского совещания, – без знания о существовании Декларации прав человека, ещё 55 лет назад мыслили мартукские мальчишки.

Сегодня ясно, что Рубин поспешил. Он был юн, не чувствовал времени, а

поговорить, посоветоваться ему было не с кем – наверняка, даже мать не знала о его планах. А времена меняются, даже самые тяжёлые в конце концов проходят, только никто не знает, сколько надо ждать, потому и торопятся, ошибаются и погибают...

Кино

Было в Мартуке ещё одно место, к которому меня притягивало как магнитом, и я не могу не поведать о нём. Кино – волшебный, сказочный, притягательный мир, другая жизнь, которая каждый день врывается с белого полотна экрана в нашу серую, обыденную действительность, в которой, как нам казалось, ничего достойного, интересного не происходило, кроме работы, работы и ещё раз работы.

Как я уже говорил, мои родители – люди городские, из Оренбурга – города, в пору их юности переживавшего свой расцвет. Конечно, они знали, что такое кино, театр, эстрада, оперетта, обязательно надо назвать цирк. До войны в цирке давались музыкальные представления, концерты, выступали всемирно известные борцы, включая и прославленного Ивана Поддубного. Ровно 60 лет назад, когда я шёл на первый свой сеанс, отчим мне сказал: тебе повезло, играет там сегодня сам Дуглас Фербенкс. Эту труднопроизносимую фамилию я запомнил на всю жизнь, думаю, это она открыла во мне какие-то каналы, ходы в сознании и произношении, что я стал хорошо запоминать имена и фамилии иностранных актёров, режиссёров, композиторов и сами названия фильмов. Если бы я не стал строительным инженером, а стал бы киноведом или кинокритиком, наверное, мне цены не было бы. Я всегда обладал хорошей памятью, а по совету отчима начал вести учёт фильмов, что успел посмотреть. Записывал я не только названия фильмов, но и выходные данные: кто режиссёр, исполнители, год

выпуска фильма и краткие детские впечатления. Жаль, эта большая коленкорая тетрадь, когда я учился в техникуме, пропала, было в ней отмечено около 180 фильмов.

Кино... Пожалуй, кино по массовости своей, доступности сыграло главную роль в воспитании многих поколений, и не только моего. Моим ровесникам повезло с кинематографом: он родился в нашем веке, стал зрелым к нашим юным годам и на наших же глазах, вместе с нами умирает. Лет с семи я начал ходить в кино. Кстати, билетёром в кино-театре была мать моего друга Толика Чипигина тётя Маша. В Мартуке фильмы менялись через каждые два дня, это было неукоснительно, как приход московских поездов на нашу провинциальную станцию, где паровозы заправлялись водой и чистили топки.

Отчим мой, человек городской, из Оренбурга, кино любил страстно. У меня была обязанность бегать к почте, где вывешивали афишу, и сообщать, какое сегодня дают кино. Однажды вышел конфуз. Я сказал родителям без всякого подвоха, что идёт фильм «Два яйца». Они и пошли на эти «Два яйца», ибо старались не пропускать новых фильмов. Надеюсь, вы, догадались, что это были «Два бойца» с Марком Бернесом, Борисом Андреевым, Петром Алейниковым. В послевоенном Мартуке каждая копейка давалась с трудом, но отчим на кино мне выделял, говорил, что кино открывает глаза на мир, воспитывает. Помню, как мне завидовали сверстники, считали счастливым, и мне приходилось пересказывать в классе, во дворе содержание фильмов. Так что, к устному творчеству я приобщился рано.

Отчим оказался прав: кино во многом сформировало моё мировоззрение, вкусы. Явно оттуда, из детства, моя тяга к музыке, джазу, интерьерам, живописи, театру, спорту. Послевоенное кино сплошь состояло из трофейных филь-

мов, из фильмов наших союзников по войне. Мы пересмотрели десятки голливудских кинолент, тех самых, что сегодня принято считать шедеврами мирового искусства. Ещё до войны немцы экранизировали почти все известные оперетты Штрауса, Оффенбаха, Легара, засняли мюзиклы с участием мировых звёзд тех лет, теноров Карузо, Марио Ланца. Экранизировали многие шедевры мировой литературы. Мы видели фильмы с участием Фреда Астора, Рудольфа Валентино, Марики Рёкк, Сони Хенни, Греты Гарбо, Кларка Гейбла, Грегори Пека, Чарли Чаплина, Рода Стайгера, Питера О'Тула, Хамфри Богарта, Глории Свенсон, Лоуренса Оливье, Ингрид Бергман, Марлен Дитрих, Берта Ланкастера, Бастера Китона, Ричарда Бартонна, Одри Хепберн, Марлона Брандо, Вивьен Ли, Дины Дурбин, Элизабет Тейлор, Бетт Дэвис, Керри Гранта. А к шестидесятым, годам нашей юности, подоспел и итальянский неореализм. Какие имена! Фредерико Феллини, Витторио Де Сика, Франко Дзеффферелли, Бертолуччи, Домини, Де Сантис, Этторе Скола...

А фильмы «Рокко и его братья» с молодым Аленом Делоном и Франко Неро, «Ночи Кабирии» с Джульеттой Мазини и Марчелло Мастоияни, «Бум» с Альберто Сорди, «Горький рис» с Витторио Гассманом и Марио Адорфом, с Джаном Мария Волонте!

Этот список, звучащий как музыка, я мог бы продолжать и продолжать. А новое немецкое кино с Максимилианом Шеллом, Клаусом Брандауэром, Отто Фишером, Марией Шелл. Французское кино – это Жан Люк Годар, Франсуа Трюффо, Жерар Филипп, Анук Эме, Бурвиль, Жан Габен, Жан Маре, Жан Луи Трентиньян, Даниель Дарье...

А какие режиссёры снимали в то время! Альфред Хичкок, Фрэнк Капра, Элия Казан, Билли Уайлдер, Роже Карне!